

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 616-624, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.616
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

УДК 93/94

The Representatives of the Steppe Region and Turkestan in the Russian Parliament: the Experience of Fractional Interaction in Solving Regional Ethno-Social Problems

Yuliya A. Lysenko ^{a,*}

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the experience of cooperation between the Deputies of the indigenous peoples of the Steppe Region and Turkestan with the Muslim fraction of the Russian Empire's State Duma. Among the issues, discussed in the Russian parliament, the agrarian question was the most urgent issue for the deputies of the Central Asian suburbs of Russia. Its decision was seen by them in termination of country resettlement to Asian suburbs of the empire and land management of indigenous people. After the removal of the Steppe Region and Turkestan from participation in the parliamentary movement the representatives of the regional ethno-elite continued to cooperate with the Muslim fraction of the Duma of the third and fourth convocations, providing legal assistance in drafting laws affecting the situation of the Muslim community in Russia.

In general, the activity of deputies from the Steppe Krai and Turkestan, aimed at solving regional ethnic problems, turned out to be ineffective. Confirmation of this thesis is considered to be the adoption by the Duma of the third convocation of a law permitting the mass seizure of lands from the indigenous population to the resettlement fund. Deputies from the Central Asian suburbs failed to remove the restrictive norms of Russian legislation in the field of political and spiritual-religious rights of Muslims in the region.

On the one hand, the current situation is due to the insignificant experience of parliamentary activity of the Deputies of the Steppe Region and Turkestan and their elimination at the legislative level from the solution of regional problems. On the other hand, the regional ethnoelit did not have a clear program of action and it could not in that historical period present to the government an alternative concept of Russia's policy in the Central Asian region.

Keywords: Russian Empire, State Duma, Steppe Region, Turkestan, Muslim fraction, ethnos.

1. Введение

Значительная роль в общественно-политической жизни Российской империи начала XX в. принадлежала Государственной думе. В историографии ее функционирование отождествляется, прежде всего, с деятельностью партийных фракций кадетов, социал-демократов, октябристов, трудовиков и т.д. В то же время Манифест 17 октября 1905 г., несомненно, придал мощный импульс росту этнического самосознания народов России и созданию национальных общественных и политических объединений. Это привело к формированию в Думе структур, организованных на этнотерриториальной или этноконфессиональной основе. Одной из них стала мусульманская фракция, в состав которой вошли депутаты от мусульманских регионов империи, в том числе от Степного края и Туркестана. Их взаимодействие в рамках фракции, направленное на решение как в целом вопросов реформирования системы управления мусульманской общиной России, так и региональных этносоциальных проблем, безусловно, представляет научный интерес и вызывает необходимость глубокого и детального осмысления.

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

2. Материалы и методы

В качестве основного источника исследования привлекались стенографические отчеты заседаний Государственной думы Российской империи четырех созывов. Их анализ позволил выявить характер и специфику российского парламентского движения, определить спектр проблем центральноазиатского общества, ставших предметом обсуждения в Думе, формы участия представителей Степного края и Туркестана в деятельности мусульманской фракции. Кроме этого, эмпирическую базу исследования составили материалы делопроизводственной документации центральных и региональных органов власти, отложившиеся в РГИА (Ф. 821 – Департамент Духовных дел иностранных исповеданий МВД, Ф. 1276 – Совет министров, Ф. 1291 – Земский отдел МВД) и ЦГА Республики Казахстан (Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора). Данная группа источников позволяет выявить расстановку общественно-политических сил в Степном крае и Туркестане в период избирательных кампаний, их ход и результаты, а также существенно дополнить наши представления об общественно-политической деятельности центральноазиатской этноэлиты, оказавшейся вне парламентского движения в период работы Государственной думы третьего и четвертого созывов.

Методологической основой исследования является теория модернизации, позволяющая рассматривать включенность Степного края и Туркестана в парламентское движение как проявление модернизационных устремлений государства. Исследование основано на принципе историзма, предполагающем объективный и всесторонний анализ изучаемого явления во всем его многообразии. Проблемно-хронологический принцип позволил выявить взгляды депутатского корпуса Думы четырех созывов на основные этносоциальные проблемы мусульманской общины центральноазиатских окраин России.

3. Обсуждение

В советской исторической науке проблемы истории парламентского движения в Российской империи изучались с позиций марксистско-ленинской методологии и были призваны подчеркнуть его антинародный характер и реакционную сущность. Национальная политика самодержавия, программные установки партий и законодательная деятельность парламента по национальному вопросу, как правило, освещались фрагментарно. Этим объясняется отсутствие на общем фоне работ советского периода, посвященных Государственной думе Российской империи, исследований, затрагивающих вопросы представительства в ней национальных окраин, в том числе Степного края и Туркестана (Котляр и др., 1947; Пясковский, 1958; Революция 1905–1907 гг., 1985).

Ситуация изменилась в 1990-е гг., что было связано с формированием методологического плюрализма в исторической науке постсоветского пространства. Детальному анализу подверглись основные направления деятельности Государственной думы, механизмы ее внутренней организации и функционирования, взаимодействия с властью и общественностью, парламентские инициативы по национальному вопросу (Смирнов, 1998; Кошкидько, 2000). Отдельным направлением современной отечественной историографии российского парламентаризма следует считать появление исследований, посвященных непартийным фракциям Государственной думы (мусульманская фракция, польское коло) (Исхаков, 2007; Котюкова, 2008; Усманова, 2005).

В исследованиях ученых государств постсоветской Центральной Азии проблема представительства коренных народов региона в Государственной думе Российской империи рассматривается сквозь призму колониальной политики. Поэтому в некотором смысле гипертрофируется роль депутатов от Степного края и Туркестана в борьбе за этносоциальные права региона. Из числа зарубежных исследователей непосредственно к истории российского парламентаризма обращались М. Хаген, Р. Зальцман, М. Вежовски, З. Лукавски (Hagen, 1967; Salzman, 1972; Wierzhowski, 1966; Lukawski, 1967). Однако в работах данной группы авторов анализируется думская политика в отношении западных окраин Российской империи (Польша, Финляндия) и отдельных народов (евреев, немцев). В целом, историографический обзор позволяет утверждать, что проблема представительства от Степного края и Туркестана в Государственной думе Российской империи и опыт фракционного взаимодействия депутатов от данного региона, направленный на решение этносоциальных проблем, остается малоисследованной темой.

4. Результаты

Как свидетельствуют новейшие исследования, «за весь период существования дореволюционной Думы в нее было избрано 79 депутатов-мусульман: 25 депутатов в Думу 1-го созыва, 37 мусульман – во вторую, 10 – в третью и 7 – в четвертую Думу» (Усманова, 2005: 146–179). Из общего числа депутатов-мусульман Степной край и Туркестан в Думе первого созыва представляли четыре депутата: А. Биримжанов, А. Кальменов, Ш. Коцегулов, А. Букейханов; во II Думе – 10 депутатов: Т. Абдухалилов, Т. Аллабергенев, М. Нурбердыханов, М.Т. Тынышпаев, С.А. Мухамеджанов и А. Кариев. Ш. Коцегулов, Т. Нороконеv, С. Б. Каратаев, А.К. Беремжанов (Мусульманские депутаты, 2008: 276–314).

Формирование депутатского корпуса III и IV Государственной думы осуществлялось на основе нового закона о выборах от 3 июня 1907 г., по которому коренное и европейское население Степного

края и Туркестана было лишено избирательного права. В новых политических реалиях защиту интересов региона взяла на себя мусульманская фракция Думы. Ее представители занимали автономную позицию, но принимали достаточно активное участие в работе различных думских комиссий, обсуждавших, в том числе проблемы функционирования мусульманской общины России. Депутаты Думы прежних созывов от Степного края и Туркестана А. Байтурсынов и С.Б. Каратаев оказывали юридическую помощь в законотворческой деятельности фракции (Усманова, 2005: 137).

В период работы I и II Государственной думы избранный от Степного края и Туркестана депутатский корпус опирался в своей работе на приговоры, указы и прошения, полученные от избирателей. Проведенный С.Н. Малтусыновым контент-анализ данной группы источников позволяет утверждать, что казахское население выражало полное доверие Думе и было уверено в возможности решения ею региональных этносоциальных проблем. К их числу относились проблемы неравенства, связанные с лишением избирательного права населения центральноазиатских окраин, ограничением на законодательном уровне свободы вероисповедания и развития системы местного самоуправления (Малтусынов, 2006: 202). Последнее свидетельствовало о зарождении идеи автономизма, оформившейся позднее в программных установках партии казахской интеллигенции и мелкой буржуазии «Алаш».

Земельный вопрос являлся центральным в наказах и петициях коренного населения центральноазиатских окраин России. В них фиксировалось требование приостановить переселение крестьян в Степной край и Туркестан и «отрезку <...> земель под переселенческие участки до разрешения вопроса в Думе» (ЦГА РК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 9. Л. 1). Население мусульман Ташкента в наказе депутату А. Абдукариеву высказало более радикальное требование упразднения в «Туркестанском крае Управления земледелия и государственных имуществ» и возвращения изъятой у «туземцев в городах, степи и кочевых местах земли» (Котюкова, 2008: 109–133). Именно поэтому депутаты от центральноазиатских окраин в своей работе наибольшее внимание уделяли земельному вопросу, связывая его, в целом, с судьбой крестьянской общины и проблемой малоземелья в европейской части страны. Они поддерживали аграрную программу думской оппозиции, так называемый «проект – 42-х» депутатов, в котором предлагалось провести принудительное отчуждение помещичьей земли на началах «справедливой оценки» с последующей ее передачей крестьянам. Эти меры были направлены против насильственного разрушения общины и массовой миграции аграрного населения в азиатскую часть империи.

Приостановка крестьянского переселения в Степной край и Туркестан давала надежды на прекращение массового изъятия земель у коренного населения и решение вопроса о его землеустройстве. Особого внимания в связи с этим заслуживает речь депутата от Уральской области Б.Б. Каратаева, произнесенная на заседании II Государственной думы 16 мая 1907 г. В ней депутат впервые в парламенте выступил с резкой критикой переселенческой политики государства и заявил о проблеме экспроприации земли у казахского населения в Переселенческий фонд, называя процесс «насилием сильного над слабым» (Государственная дума. Второй созыв, 1907: 673–674). Б.Б. Каратаев настаивал на более рациональном и взвешенном решении переселенческого вопроса, предлагая сначала определить колонизационный потенциал региона и провести работу по землеустройству коренного населения, как оседлого, так и кочевого (Государственная дума, 1907: 674–675).

В период работы II Думы под давлением депутатского корпуса было создано Правительственное совещание по вопросу землеустройства казахов-кочевников. В его работе приняли участие депутаты от Степного края Б.Б. Каратаев, А.К. Беремжанов, Т. Нороконеv, Ш. Коцегулов. Однако несмотря на требования последних немедленно прекратить образование переселенческих участков в Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях, большинство участников Совещания сочло невозможным как выполнение данного требования, так и закрепление земельных прав кочевников. По решению Совещания землеустройству подлежали лишь хозяйства казахов, перешедших на оседлый образ жизни (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199–275).

Решение переселенческого вопроса на заседаниях III Государственной думы (1907–1912 гг.) продолжалось без участия депутатов от Степного края и Туркестана. Думское большинство в этот период стояло на позициях поощрения свободного переселения. Это нашло выражение в создании в ноябре 1907 г. Переселенческой комиссии, ставшей самой многочисленной из всех думских комиссий (66 депутатов), и увеличении расходов бюджета на переселение в 1908–1909 и последующие годы. В то же время часть социал-демократической фракции и фракции «Народной свободы» критиковали деятельность Переселенческого управления, подчеркивая необходимость пересмотра его политики в отношении коренного и старожильческого населения Степного края и Туркестана. Трудовики, кадеты и прогрессисты принципиально не оспаривали права государства на земли коренного населения региона. Однако они считали крайне необходимым принятие специального закона, регулирующего отношения между населением и государством в вопросах землепользования. Мусульманская фракция подчеркивала незаконность изъятия земель у оседлого населения региона (Государственная дума, 1908: 1216–1247).

Попыткой решения проблемы землеустройства коренного и пришлого населения Степного края и Туркестана следует считать законопроект 60 депутатов «Об учреждении землеустроительных комиссий и земельном устройстве киргиз Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской,

Сырдарьинской, Семиречинской и Закаспийской областей», который был внесен на рассмотрение в Государственную думу в июне 1908 г. При областных управлениях предлагалось создание специальных комиссий, с обязательным включением в их состав представителей администрации, переселенческого и коренного населения. Однако Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин отверг думское предложение, подчеркивая несвоевременность повсеместного землеустройства кочевников, не перешедших на оседлый образ жизни (Лысенко и др., 2014: 140–145).

Позиция А.В. Кривошеина подкрепляла мнение чиновников МВД и Военного министерства, связывающих увеличение масштабов переселения крестьянства в Степной край и Туркестан с геополитическими и стратегическими задачами России в регионе. Для их решения предлагалось скорейшее принятие Думой закона, санкционирующего процесс конфискации земельных ресурсов у коренного населения. В 1910 г. последовало обращение Главного управления землеустройства и земледелия в парламент с ходатайством о внесении поправки к ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем, аналогичной примечанию 1 ст. 120 Положения об управлении Степным краем от 1891 г. На ее основании предлагалось земли, оказавшиеся по мнению Главного управления землеустройства и земледелия «излишними» у кочевого населения, изымать с последующей передачей в ведение Управления. Данная поправка обсуждалась в Думе около года и 5 декабря 1910 г., несмотря на некоторое противодействие со стороны Аграрной комиссии и мусульманской фракции, была утверждена (Котюкова, 2008: 120).

Государственная дума IV созыва сохранила преемственность позиций в аграрно-переселенческой политике. Выносимые в период ее деятельности законопроекты, как принятые, так и отклоненные, были направлены исключительно на создание более благоприятных условий для расширения крестьянского землепользования в Степном крае и Туркестане. Зависимость Думы от политического истеблишмента страны исключала возможность решения вопроса землеустройства коренного кочевого населения и тем более вопроса прекращения экспроприации у него земельных ресурсов.

Одним из направлений деятельности депутатов Государственной думы стали усилия по ликвидации ограничительных норм российского законодательства, затрагивающих интересы центральноазиатского региона империи. Наиболее актуальным в связи с этим являлся вопрос о восстановлении избирательного права для коренного и европейского населения Степного края и Туркестана.

Необходимость снятия ограничений в избирательном законодательстве диктовалась рядом обстоятельств. Во-первых, факт признания на государственном уровне народов центральноазиатских окраин империи «политически незрелыми» вызвал волну протеста со стороны этноэлит и региональной общественности. На страницах местной прессы неоднократно подчеркивалась мысль о том, что отстранение населения Степного края и Туркестана от решения общегосударственных проблем противоречит общей логике либерализации российского общества и препятствует его интеграции в социально-политическое пространство государства (Котюкова, 2003: 127–129).

Во-вторых, отсутствие в Думе депутатов от Степного края и Туркестана, владеющих достоверной информацией по наиболее злободневным региональным проблемам, значительно сдерживало законодательную инициативу действующего депутатского корпуса, направленную на их решение. Раз в два года выносимые на обсуждение законопроекты «О сметах и раскладках земских повинностей Туркестанского генерал-губернаторства и Степных областей» составлялись региональными органами власти. Данная практика выходила за рамки общей логики формирования представительной системы, так как исключала возможность участия населения в их обсуждении и корректировке (Котюкова, 2008: 95).

Однако Дума третьего созыва к вопросу об изменении законодательного права не обращалась. Ситуация преломилась в период работы IV Государственной Думы, что, как отмечают исследователи, было связано с политизацией мусульманского общественного движения в масштабах всей империи и в целом ростом мусульманского движения на Востоке. Игнорирование данного вопроса было политически неверным решением.

Именно в период работы Думы четвертого созыва прозвучала критика сложившейся в законодательном праве ситуации, и последовали инициативы по внесению изменений в избирательное право. Так, в январе 1913 г. 24 депутата-трудовика во главе с А.Ф. Керенским и А.В. Чхеидзе предложили реанимировать Закон о выборах 3 июня 1907 г. и вернуть, таким образом, избирательное право Степному краю и Туркестану. В конце февраля этого же года с аналогичным заявлением от имени 32 членов Государственной думы «Об изменении положения о выборах» выступил кадет П.Н. Милюков (Государственная дума, 1913: 1801).

Годом позже, в феврале 1914 г., прогрессисты выдвинули сразу две законодательные инициативы. Первая из них (ее подписали 37 депутатов) – «Об изменении положения о выборах в Государственную думу» – предлагала вернуться к закону о выборах в редакции 17 октября 1905 г. и на его основе развивать представительную систему в стране. Вторая инициатива, подписанная 38 депутатами – «О восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской,

Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской» – была направлена на решение вопроса о представительстве мусульманских регионов в Государственной думе ([Приложение к стенографическим отчетам, 1914](#)).

Однако все вышеперечисленные предложения были отклонены. Причина данной ситуации видится рядом современных исследователей в незрелости самой представительной системы Российской империи, а также в неготовности депутатского корпуса к кардинальному решению вопроса о представительстве в Думе депутатов от мусульманского населения ([Котюкова, 2008: 95](#)). Необходимо также понимать, что деятельность Государственной думы контролировалась политическим истеблишментом страны, который в вопросе изменения избирательного законодательства занимал правую позицию. Чиновники МВД, Военного министерства и Генерального штаба под лозунгами неготовности коренного населения Степного края и Туркестана «для участия в законодательной работе государства» маскировали стремление избежать любых проявлений национализма и сепаратизма. Последние, по их мнению, были неизбежны в случае подключения региона к политическим процессам, происходящим в стране ([Котюкова, 2003: 128](#)).

В самом регионе – Степном крае и Туркестане, за десятилетний период обсуждения в российском парламенте вопроса об изменении закона о выборах, так и не произошло консолидации общественно-политических сил для ее решения. При этом стоит подчеркнуть, что наиболее активно в дискуссии о региональном представительстве в Думе выступала европейская часть центральноазиатского общества. Мусульманское население не смогло обозначить своей позиции по данному вопросу. Тем не менее, все предпринятые попытки восстановления избирательных прав следует рассматривать как важный фактор роста политико-правовой культуры населения Степного края и Туркестана.

Значительное внимание в деятельности депутатов Государственной думы от мусульманских регионов, в том числе от Степного края и Туркестана, уделялось вопросам, связанным с пересмотром ограничительных норм российского законодательства в вопросах вероисповедания. Депутаты выступали с критикой религиозной политики государства в отношении ислама и предлагали реформировать систему управления духовными делами мусульман Российской империи. Ее центральным направлением должно было стать изъятие из ведения Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД всех функций по контролю и координации жизнедеятельности мусульманской общины с последующей их передачей в компетенцию Оренбургского, Таврического и Закавказского мусульманских духовных собраний. Парламентарии также настаивали на снятии законодательных ограничений в вопросах мусульманской религиозной пропаганды и паломничества к святым местам, невмешательстве государства в управление конфессиональной школой, перераспределении государственного бюджета в сторону уравнительного финансирования как православных, так и исламских структур. При этом депутаты апеллировали к существующим в Российской империи принципам и нормам организации жизни православного населения, подчинявшегося исключительно Святейшему Синоду ([РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 26. Л. 206–8](#)). Таким образом, решение вопроса свободы веры для мусульман виделось в необходимости уравнивания мусульманской общины в правовом смысле с положением Русской православной церкви и общины православной.

Для мусульман Степного края и Туркестана свобода вероисповедания рассматривалась в несколько иной плоскости. Это было связано с тем, что с 60-х гг. XIX в. мусульмане данного региона на законодательном уровне были лишены возможности создания собственного административного органа управления духовными делами и переданы в подчинение МВД. Таким образом, центральной задачей депутатов от региона являлось обоснование необходимости открытия регионального Особого духовного правления, вопрос свободы веры для них сводился к уравниванию в правах с другими мусульманскими народами России ([ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1 Д. 2495. Л. 8–12](#)).

Вопрос о создании Особого духовного управления для мусульман Степного края и Туркестана активно лоббировался депутатами от данного региона в процессе подготовки мусульманской фракцией Думы проекта реформы мусульманских духовных учреждений ([Усманова, 2005: 384](#)). Участие представителей центральноазиатского региона в работе над законопроектом в период работы Государственной думы третьего и четвертого созывов стало возможным благодаря инициативе председателя мусульманской фракции К.М. Тевкелева о проведении в 1914 г. очередного Всероссийского мусульманского съезда ([Третий Всероссийский, 1906](#)). В его работе приняли участие 40 человек, в том числе бывшие парламентарии от казахского населения А. Букейханов и С.Б. Каратаев. Главным итогом съезда стало завершение работы по подготовке законопроекта о реформе мусульманских духовных учреждений и его утверждение. Состоящий из 11 глав и 120 параграфов законопроект предполагал создание, в том числе на территории Степного края и Туркестана отдельного административного органа управления делами мусульман ([Проект положения, 1914](#)). Однако правительство, как известно, не поддержало данный проект. Работа Межведомственного совещания с привлечением региональных чиновников и ведущих экспертов-исламоведов, прежде всего А. Рыбакова, завершилась принятием решения о преждевременности создания особого духовного управления для мусульман Степного края и Туркестана и «оставлении системы управления им без изменения» ([РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 23–177](#)).

Не менее важной задачей деятельности депутатов от Степного края и Туркестана в период их работы в Государственной думе стало решение вопросов, связанных с функционированием мусульманской школы. В парламенте России данный вопрос рассматривался в русле общей проблемы унификации системы начального школьного образования в масштабах всех империи с передачей функций контроля и управления как за государственными, так и за конфессиональными школами единому центру – Министерству народного просвещения.

Принятые в 1906 г. «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» завершили многолетнюю межведомственную дискуссию о целесообразности передачи мусульманской школы в ведение МНП. Согласно Правилам, общее руководство мусульманской школой изымалось из сферы деятельности Оренбургского духовного собрания и передавалось в местные органы Министерства народного просвещения. С целью реализации политики русификации вводилось обязательное изучение русского языка и образовательный ценз для учителей мусульманской школы – «не ниже курса одноклассного училища МНП» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 241об.–245).

Реакция мусульман России на введение «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» была крайне отрицательной. В Думе второго созыва по инициативе мусульманской фракции было внесено законодательное предложение «Об изменениях правил 31 марта 1906 г. о начальных училищах для инородцев», подписанное 31 депутатом. Проект опирался на многочисленные приговоры и ходатайства мусульманских обществ, поступающие в 1905–1906 гг. в правительственные учреждения, а с началом работы парламента и в адрес мусульманской фракции. Правительство было вынуждено приостановить действие Правил в пределах всей империи и собрать в сентябре 1907 г. новое Межведомственное совещание. Его работа завершилась в конце 1907 г. внесением в «Правила» поправок, согласно которым мусульманская школа вновь выводилась из-под контроля МНП (Исхаков, 2007: 287).

Этноэлиты Степного края и Туркестана, в том числе бывшие члены Государственной думы, продолжали пристально следить за деятельностью мусульманской фракции и поддерживать контакты с ее депутатами. В 1916 г. по инициативе лидера фракции К.Б. Тевкелева было принято решение о создании Мусульманского бюро – внедумской политической структуры, призванной консолидировать мусульман империи для решения их общих проблем. В феврале 1916 г. К.Б. Тевкелев лично встречался в Оренбурге с А. Байтурсиновым, приглашая последнего прибыть в Петроград для участия в работе Мусульманского бюро (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 620. Л. 62). Немного позднее к А. Байтурсинову присоединился А. Букейханов.

На заседаниях Бюро наряду с общими вопросами реформы управления духовными делами мусульман России широко обсуждались вопросы пересмотра законоположений по управлению Туркестанским краем, учреждения особого Казахского муфтиата, общего «упорядочения земельного дела в местностях, населенных казахами» и, в частности, «о надлежащем обеспечении землею» казахов, переходящих от кочевого к оседлому быту, а также о прекращении дальнейшего наплыва переселенцев в Киргизские степи» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 620. Л. 38).

Анализ проблем, ставших предметом обсуждения Мусульманского бюро, позволяет утверждать, что представители этноэлит Степного края и Туркестана придавали важное значение парламентскому движению и рассматривали все инициативы мусульманской фракции как важный механизм решения не только узкосоциальных проблем региона, но и как возможность преодоления в целом широкого спектра социально-экономических проблем колониального периода.

5. Заключение

В целом деятельность депутатов от Степного края и Туркестана, их усилия по взаимодействию с отдельными парламентскими фракциями и группами, направленные на решение региональных этнических проблем, оказались малоэффективными. Подтверждением данного тезиса следует считать принятие правым большинством Думы третьего созыва поправки к Положению об управлении Туркестанским краем, узаконившей процесс массового изъятия земель у коренного населения в переселенческий фонд. Не удалось депутатам от центральноазиатских окраин устранить ограничительные нормы российского законодательства в области политических и духовно-религиозных прав коренного населения.

С одной стороны, сложившаяся ситуация объясняется незначительным по времени опытом парламентской деятельности депутатов от Степного края и Туркестана и их отстранением на законодательном уровне от решения региональных проблем. С другой – отсутствием у региональной этноэлиты четкой программы политических и социально-экономических требований, оказавшейся к тому же неспособной в тот исторический период представить альтернативную правительственному курсу концепцию политики России в центральноазиатском регионе.

Тем не менее, непродолжительное по времени участие представителей Степного края и Туркестана в работе Государственной думы первого и второго созыва свидетельствовало о росте гражданской активности коренного населения региона и его готовности интегрироваться в общероссийский политический процесс. Высокая степень доверия парламенту была опосредована

уверенностью в возможности решения региональных этносоциальных проблем легитимным путем, путем конструктивного диалога с властью.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/ПЧ).

Литература

- [Государственная дума, 1907](#) – Государственная дума. Стенографические отчеты. 1907 год. Второй созыв. Сессия II. СПб., 1907. Часть 2.
- [Государственная дума, 1908](#) – Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия I. СПб., 1908. Часть 2.
- [Государственная дума, 1913](#) – Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. СПб., 1913. Часть 1.
- [Государственная дума, 1916](#) – Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв четвертый. Сессия IV. СПб., 1916. Часть 2.
- [Исханов, 2007](#) – *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. 400 с.
- [Котляр и др., 1947](#) – *Котляр П., Вайс М.* Как проводились выборы в Туркестане в местное управление и в Государственную Думу. Ташкент, 1947. 23 с.
- [Котюкова, 2003](#) – *Котюкова Т.В.* Туркестан и Государственная дума Российской империи. Документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 124–129.
- [Котюкова, 2008](#) – *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008. С. 201.
- [Кошкидько, 2000](#) – *Кошкидько В.Г.* Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905–1907 гг.). М., 2000. 232 с.
- [Лысенко и др., 2014](#) – *Лысенко Ю.А. и др.* Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 271 с.
- [Малтусынов, 2002](#) – *Малтусынов С.Н.* Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906–1917 гг. (социокультурный подход). Алматы, 2006. С. 332.
- [Мусульманские депутаты, 1998](#) – Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. // Сборник документов и материалов / Составитель Л.А. Ямаева. Уфа, 1998. 384 с.
- [Приложение к стенографическим отчетам, 1914](#) – Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв четвертый. Сессия II. 1913–1914. Вып. III. (№ 198–311). СПб., 1914. 849 с.
- [Проект положения](#) – Проект Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи. СПб., 1914. 28 с.
- [Пясковский, 1958](#) – *Пясковский А.В.* Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. М., 1958. 615 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- [Революция 1905–1907 гг., 1985](#) – Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1985. 206 с.
- [Смирнов, 1998](#) – *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1907–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998. 624 с.
- [Третий Всероссийский, 1906](#) – Третий Всероссийский мусульманский съезд в Нижнем Новгороде. Постановления и резолюции. Казань, 1906. 20 с.
- [Усманова, 2004](#) – *Усманова Д.* Мусульманские представители в российском парламенте (1906–1916 гг.). Казань. 2005. 584 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- [Salzmann, 1972](#) – *Salzmann R.* Die Schulpolitischen vorstellungen der Parteien in der dritten Reichsduma. Bonn, 1972. p. 149.
- [Hagen, 1967](#) – *Hagen M.* Das Nationalitätenproblem Russlands in den Verhandlungen der III Duma 1907 bis 1911 (vom Zusammentritt der Duma bis zum Tode Stolypins). Diss. phil. Göttingen, 1967. p. 321.
- [Wierzhowski, 1966](#) – *Wierzhowski M.* Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa, 1966. p. 304.
- [Lukawski, 1967](#) – *Lukawski Z.* Kolo Polskie w rosyjskiej Dumie Państwowej w latach 1906–1909. Wrocław, 1967. p. 184.

References

[Gosudarstvennaya дума, 1907](#) – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1907 god. Vtoroj sozyv. Sessiya II. [In The State Duma. Verbatim records. The second convocation. Session two]. Saint Petersburg. Vol. II. [in Russian]

- Gosudarstvennaya дума, 1908** – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1907 god. Sozyv tretiy. Sessiya I. [In The State Duma. Verbatim records. The second convocation. Session one]. Saint Petersburg. Vol. II. [in Russian]
- Gosudarstvennaya дума, 1913** – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1907 god. Sozyv chetvertiy. Sessiya I. [In The State Duma. Verbatim records. The second convocation. Session one]. Saint Petersburg. Vol. I. [in Russian]
- Gosudarstvennaya дума, 1916** – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheski otchet. Sozyv chetvertiy. Sessiya IV. [In The State Duma. Verbatim records. The second convocation. Session four]. Saint Petersburg. Vol. II. [in Russian]
- Isxanov, 2007** – *Isxanov S.M.* (2007). Pervaya russkaya revolyuciya i musulmane rossijskoj imperii. [The first Russian revolution and the Muslims of the Russian Empire]. Moscow, p. 400. [in Russian]
- Kotlyar i dr., 1947** – *Kotlyar P., Vaice M.* (1947). Kak provodilis vybory v turkeстане v mestnoe upravlenie i v gosudarstvennyu dumu. [As the elections were held in Turkestan in local government and the State Duma]. Tashkent, p. 23. [in Russian]
- Kotyukova, 2003** – *Kotyukova T.V.* (2003). Turkestan i gosudarstvennaya дума rossijskoj imperii. Dokumenty centralnogo gosudarstvennogo arxiva respubliki uzbekistan. 1915–1916 gg. [Turkestan and the State Duma of the Russian Empire. Documents Central state archive of the Republic of Uzbekistan. 1915–1916]. *Historical archive*. Nr 3, p. 124–129. [in Russian]
- Kotyukova, 2008** – *Kotyukova T.V.* (2008). Turkestarskoe napravlenie dumskoj politiki rossii (1905–1917 gg.). [The Turkestan direction of the Duma policy of Russia (1905–1917 gg.)]. Moscow, p. 201. [in Russian]
- Koshkidko, 2000** – *Koshkidko V.G.* (2000). Predstavitel'naya vlast v rossii: formirovanie i funkcionirovanie (1905–1907 gg.). [Representative power in Russia: formation and functioning (1905–1907)]. Moscow, p. 232. [in Russian]
- Lyisenko i dr., 2014** – *Lyisenko Yu.A. i dr.* (2014). Traditsionnoe kazahskoe bschestvo v natsionalnoy politike Rossijskoj imperii: kontseptualnyie podhodyi i mehanizmy realizat sii (XIX – nachalo XX v.). [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, 271 p. [in Russian]
- Maltusynov, 2006** – *Maltusynov S.N.* (2006). Agrarnyy vopros v Kazahstane i Gosudarstvennaya дума Rossii. 1906–1917 gg. (Sotsiokul'turnyy podkhod) [The Agrarian question in Kazakhstan and the State Duma of Russia. 1906–1917 years. (Socio-cultural approach)]. Almaty, 332 p. [in Russian]
- Musulmanskie deputaty, 1998** – Musulmanskie deputaty gosudarstvennoj dumy rossii. 1906–1917 gg. [The Muslim deputies of the State Duma of Russia 1906–1917]. Yamaeva. A collection of documents and materials. Ufa, 1998, p. 384. [in Russian]
- Prilozhenie k stenograficheskim otchetam, 1914** – Prilozhenie k stenograficheskim otchetam gosudarstvennoj dumy. Sessiya II. 1913–1914. [Annex to the verbatim reports of the State Duma. The convening of the fourth. Session II. 1913–1914.]. Edition. III. (Nr. 198–311). Saint Petersburg, 1914. p. 849. [in Russian]
- Proekt polozheniya** – Proekt polozheniya ob upravlenii duxovnymi delami musulman rossijskoj imperii. [The draft regulations on the administration of spiritual Affairs of Muslims of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1914, p. 28. [in Russian]
- Piaskowski, 1958** – *Piaskowski A.V.* (1958). Revolyuciya 1905–1907 gg. v Turkeстане. [Revolution of 1905–1907 in Turkestan]. Moscow, p. 615. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv. [The Russian state historical archive].
- Revolyuciya 1905–1907 gg., 1985** – Revolyuciya 1905–1907 gg. v Srednej Azii i Kazahstane. [the Revolution of 1905–1907 in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent, 1985, p. 206. [in Russian]
- Smirnov, 1998** – *Smirnov A. F.* (1998). Gosudarstvennaya дума rossijskoj imperii 1907–1917. [The state Duma of the Russian Empire, 1907–1917]. Historic and legal review. Moscow, p. 624. [in Russian]
- Tretij vserossijskij, 1906** – Tretij vserossijskij musulmanskiy sez d v nizhnem novgorode. [The third all-Russian Muslim Congress in Nizhny Novgorod]. The decisions and resolutions. Kazan, 1906, p. 20. [in Russian]
- Usmanova, 2004** – *Usmanova D.* (2005). Musulmanskie predstaviteli v rossijskom parlamente (1906–1916 gg.). [Muslim representatives in the Russian Parliament (1906–1916)]. Kazan, p. 584. [in Russian]
- CGA RK** – Centralnyj gosudarstvennyj arxiv respubliki kazahstan. [The Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- Salzmann, 1972** – *Salzmann R.* (1972). Die Schulpolitischen vorstellungen der Parteien in der dritten Reichsduma. Bonn, p. 149.
- Hagen, 1967** – *Hagen M.* (1967). Das Nationalitätenproblem Russlands in den Verhandlungen der III Duma 1907 bis 1911 (vom Zusammentritt der Duma bis zum Tode Stolypins). Diss pliiil. Goettingen, p. 231.
- Wierzhowski, 1966** – *Wierzhowski M.* (1966). *Sprawy Polski w III i IV Dumie Panstwowej*. Warszawa, p. 304.
- Lukawski, 1967** – *Lukawski Z.* (1967). Kolo Polskie w rosyjskiej Dumie Panstwowej w latach 1906–1909. Wroclaw, p. 184.

УДК 93/94

Представители Степного края и Туркестана в российском парламенте: опыт фракционного взаимодействия в решении региональных этносоциальных проблемЮлия Александровна Лысенко ^{а, *}^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется опыт сотрудничества депутатов от коренных народов Степного края и Туркестана с мусульманской фракцией Государственной думы Российской империи. Среди вопросов, обсуждаемых в российском парламенте, наиболее актуальным для депутатов центральноазиатских окраин России являлся аграрный вопрос. Его решение виделось ими в прекращении крестьянского переселения в азиатские окраины империи и землеустройстве коренного населения. После отстранения Степного края и Туркестана от участия в парламентском движении представители региональной этноэлиты продолжали сотрудничество с мусульманской фракцией Думы третьего и четвертого созывов, оказывая юридическую помощь в разработке законопроектов, затрагивающих положение мусульманской общины России.

В целом деятельность депутатов от Степного края и Туркестана, направленная на решение региональных этнических проблем, оказалась малоэффективной. Подтверждением данного тезиса следует считать принятие Думой третьего созыва закона, санкционировавшего массовое изъятие земель у коренного населения в переселенческий фонд. Не удалось депутатам от центральноазиатских окраин устранить ограничительные нормы российского законодательства в области политических и духовно-религиозных прав мусульман региона.

С одной стороны, сложившаяся ситуация объясняется незначительным по времени опытом парламентской деятельности депутатов от Степного края и Туркестана и их отстранением на законодательном уровне от решения региональных проблем. С другой – отсутствием у региональной этноэлиты четкой программы действий и ее неготовностью в тот исторический период представить альтернативную правительственному курсу концепцию политики России в центральноазиатском регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, Степной край, Туркестан, мусульманская фракция, этнос.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)